

А.И. Денисов

к.э.н., первый заместитель председателя Комитета по международным делам
Совета Федерации Федерального Собрания РФ

Россия и Китай: добрые соседи и близкие партнёры (заметки дипломата)

Победа китайской революции или, как говорят в Китае, «Освобождение страны» (解放 (цзефан) — такой термин принят в Китае) и образование Китайской Народной Республики — это, бесспорно, одно из крупнейших политических событий не только бурного и богатого на события XX века, но и в целом мировой истории. Я думаю, можно сказать об этом уже вполне определенно. Ведь смена политической модели в крупнейшей стране мира по численности населения переформатировала весь расклад сил в глобальном масштабе.

Мировой социализм на сложнейшем этапе начала «холодной войны» вскоре после опустошительной войны «горячей» был в непрестом положении, и даже, может быть, был на грани выживания. Он смог выжить и окрепнуть не в последнюю очередь благодаря пополнению социалистического лагеря новым государством в лице Китая. Сам факт вступления огромной, соседней для нас страны на путь социалистического развития оказал глубокое духовно-эмоциональное воздействие на наше общественное сознание. Появилось достаточное стойкое ощущение, что мы не одни в этом мире. Характерно, что сегодня, спустя три четверти века, в совершенно иных исторических условиях и совершенно по другому поводу, у России есть основание испытывать очень схожее ощущение по поводу Китая.

Географически Китай времен всех императорских династий и обширные пространства Евразии, ставшие со временем исторической Россией, всегда соседствовали. Но контакты между теми, кто их населял, по меркам мировой истории, а в особенности по меркам тысячелетней истории китайской государственности, являются не столь протяженными по времени.

Когда начались контакты между нашими народами — трудно сказать. Существуют апокрифические сведения о том, что русские «стражники» состояли на службе в охранных войсках во времена династии Юань (1271—1368 гг.). Встречаются сведения о том, что в составе императорской гвардии существовал полк (团) или рота (连) охранников, стражников — возможно, выходцев из России. Для той эпохи это было нормальным явлением — вспомним, что в тот же период в Куликовской битве 1380 г. участвовали, помимо собственно русских и татар, и генуэзцы, и литовцы. Весьма вероятно, что участие русских стражников в гвардии императоров Юань стало первым колышком на большом пути российско-китайских отношений.

Первая российская дипломатическая миссия, с известной долей условности, была направлена в Китай в 1618 г. Казачий полковник Иван Петлин в составе торгового каравана прибыл в Китай с определенными поручениями дипломатического характера. Миссия его, впрочем, не удалась, как спустя полтора века не удалась миссия в Китай британского лорда Макартни (1792—1794 гг.). Из-за разного рода протокольных церемоний встречи с императором не произошло,

император не принял Петлина, однако караван выполнил свою миссию: товары были доставлены, обменены и увезены, так что торгово-экономическая часть визита получила определенное развитие. Так бывало и позже, когда между политикой и торгово-экономическими отношениями России и Китая образовывался некоторый разрыв.

Интересная роль в наших двусторонних отношениях принадлежит такой группе, как албазинцы, — её история протянулась из 1685 г. до наших дней. Группа российских казаков, плененных при осаде Албазина и привезенных в 1685 г. в Пекин с семьями, а также со священником отцом Максимом и иконой Николая Чудотворца, была зачислена, как и при династии Юань, в императорскую гвардию уже империи Цин. Их поселили в одном из углов города, возле Восточных ворот Дунчжимэнь, где и сейчас находится российское посольство. Функция священника состояла в окормлении казаков и их потомков. С тех пор албазинцы жили в Китае, и по сей день многие в КНР считают, что люди, носящие фамилию Ду (杜), являются потомками российских казаков. Уже в начале XVIII столетия императорский двор дал согласие на основание православной духовной миссии по письменной просьбе российского царя Петра I. Пётр, как известно, был не только императором, но и после синодальной реформы — официальным главой Русской православной церкви. Миссия прибыла в Пекин в 1715 г.

О духовной миссии нужно вспомнить в связи с одним обстоятельством: она выполняла важнейшую просветительскую миссию. Мы с полным основанием говорим о том, что именно там зародилось и получило определенное развитие российское китаеведение. Ведь первые переводчики были членами миссий, направленных в конце XVIII века в Китай для изучения китайского языка. Они были небольшими по размеру: 5—7 монашествующих, вряд ли больше 10. К ней были прикомандированы так называемые студенты. Это были в основном учащиеся церковных учебных заведений, направленные в Китай для изучения языка. К сожалению, следует отметить, что многие из них не очень нашли себе применение по возвращению в Москву и Санкт-Петербург: критическая масса российско-китайского взаимодействия еще не накопилась, отношения еще не приняли того характера, который требовал бы регулярной работы профессиональных переводчиков. Однако уже деятельность выдающегося отечественного китаеведа Н.Я. Бичурина (о. Иакинфа) (1777—1853), оказалась весьма востребованной в России. После многолетнего пребывания в Китае он, вернувшись в столицу, активно трудился как китаевед и член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской академии наук. Судьба его была непростой: на родине он был предан суду и провёл несколько лет в ссылке. Для нас Бичурин навсегда останется основателем отечественного китаеведения.

В 1861 г. наступил новый, формально-дипломатический этап, межгосударственный этап развития отношений России и Китая. Было учреждено первое посольство. К тому времени было всего около десятка стран, в основном государств Европы, установивших официальные дипломатические отношения с Китаем. Последний царский посланник князь Н.А. Кудашев завершил свою миссию в 1920 году. А с 1924 года были установлены советско-китайские отношения на уровне посольств, в Пекине работал первый советский посол Л.М. Карахан — большевик старой школы, соратник В.И. Ленина, фигура, весьма известная в советской истории.

Малоизвестный факт: до этого в течение двух лет в Пекине действовало посольство Дальневосточной Республики. Там работали трое дипломатов, они проживали в одном из корпусов сохранившейся до сих пор гостиницы «Пекин». В составе миссии ДВР работал переводчик Марк Исаакович Казанин — человек очень яркой и одновременно трагической судьбы, оставивший интереснейшие воспоминания о том периоде, когда Китай ещё не был готов к установлению отношений с Советской Россией. Интересная новация с созданием Дальневосточной Республики, принадлежавшая лично В.И. Ленину, сработала и на китайском направлении: был перекинут своеобразный мост от царского посольства к советскому.

В 1924 г. в наших двусторонних отношениях начался этап, который продолжается и по сей день, вот уже почти век. Это особый, ни на что не похожий тип отношений, имеющий глубокую внутреннюю специфику и динамику. Первая четверть века этого столетия была отмечена определённой двойственностью. Параллельно строились связи как по государственной и дипломатической линии с правящей партией Гоминьдан, так и с фактически противостоящей ей силой Гунчаньдан — Коммунистической партией Китая. Отношения между ними часто и резко менялись: от первого единого фронта в 1921—1925 гг. к белому террору в отношении КПК в 1925—1927 гг., к вооружённой борьбе до середины 1930-х годов и затем второму единому фронту после Сианьского инцидента (1936 г.), возобновившего сотрудничество между КПК и Гоминьданом на почве войны с Японией вплоть до 1945 г. Затем началась гражданская война, завершившаяся в 1949 г. созданием КНР.

И на всех этих виражах истории, в чрезвычайно специфической историко-политической обстановке тех лет, не только в Евразии, не только между Россией и Китаем, Москва сохраняла корректные отношения с правящим режимом Китая, который позиционировал себя как один из победителей во Второй мировой войне и получил место в Совете Безопасности ООН. При этом, разумеется, отношения с оппозицией в лице Компартии Китая и духовно, и политически были ближе и глубже. Хотя в августе 1945 между Китайской Республикой и Советским Союзом был подписан Договор о дружбе и союзе, все же отношения носили несколько формальный характер. А отношения с КПК приобрели особенно тесный характер с 1947 г., с начала Гражданской войны, которая и привела к диалектическому снятию двойственности в советско-китайских отношениях, которые после этого строились в едином русле и следовали всем изгибам этого русла.

1950-е годы часто называют «медовым месяцем» в советско-китайских отношениях. В Китае в 1959 г. при подведении итогов первого десятилетия этих отношений его назвали «великим десятилетием» (伟大的十年). Оно и вправду было великим десятилетием с точки зрения советско-китайского сотрудничества. Даже оставив в стороне политическую, экономическую, торговую сферы взаимодействия, важно отметить чисто человеческое измерение, восприятие Китая в СССР. В самом конце 50-х и начале 60-х годов мои родители жили в коммунальной квартире, и нашими соседями была семья советских специалистов, вернувшихся из Китая. В коридоре в углу стояли коробки с вещами, привезёнными оттуда, и я с интересом перерисовывал иероглифы как красивые, необычные картинки.

1960-е годы были бурными, тяжелыми прежде всего для самого Китая, но и для наших отношений, тем более что в 1969 г. дело дошло до вооруженных столкновений на границе. Это печальная страница нашей истории. А вот 1970-е годы можно назвать временем «негативной стабилизации». Отношения сохраняли знак «минус», но в целом имели стабильный характер. Для китаеведов СССР и китаеведческих организаций — таких, как Институт Дальнего Востока, Институт востоковедения АН СССР, эти годы были достаточно активными. Издавались книги, в Обществе дружбы регулярно проводились вечера, мы праздновали все китайские праздники, обязательно собирались на Праздник Весны, обязательно проводили собрания, посвященные Дню образования КНР 1 октября. В СССР выходили многочисленные книги по Китаю, причем самые разные, например, ставшая для меня в годы учёбы в аспирантуре «библией» книга «Проблемы и противоречия индустриального развития КНР» Л.И. Молодцовой (Кондрашовой), главы из которой я носил тогда с собой и читал везде, где мог. Жизнь и изучение Китая продолжались.

В 1973 г., то есть уже почти полвека назад, попав в Китай на практику в торгпредство и затем приехав туда еще раз на работу в 1978 г., я вновь убедился в том, что у нас была налажена нормальная, регулярная работа. Мы ездили в компании, вели переговоры, подписывали контракты, следили за их выполнением. Это был действительно стабильный период, хоть и со знаком «минус».

Откуда следует отсчитывать начало процесса нормализации советско-китайских отношений? Полагаю, что с ноября 1982 г., когда в качестве гостя посла КНР в Москву прибыл заведующий отделом СССР и Восточной Европы Юй Хунлянь. Важнейшим событием с духовно-эмоциональной точки зрения стал визит в Китай в 1984 г. И.В. Архипова, который в 1950-е годы возглавлял коллектив советских специалистов в Китае, пользовался там огромным уважением. Память о нём и сегодня живет в сердцах наших китайских друзей, и многие вспоминают сцену из того визита 1984 г., когда три ветерана — Бо Ибо, Чэнь Юнь и И.В. Архипов — стояли обнявшись и плакали от радости встречи.

Были и другие события. Выступление М.С. Горбачева во Владивостоке в сентябре 1986 г., когда впервые было сказано, что границы должны идти по середине реки, чем был ускорен процесс переговоров о границе. Значительно позже, уже в годы президентства В.В. Путина, эти переговоры привели к успеху — и это уникальный случай в мировой практике.

Окончательная нормализация отношений произошла в 1989 г. в результате визита М.С. Горбачёва в КНР. Правда, вскоре произошёл распад Советского Союза, который в Китае был воспринят с большой озабоченностью и большими сомнениями. Однако уже в декабре 1992 г. состоялся первый визит в Китай президента РФ Б.Н. Ельцина. Этому визиту предшествовала серьезная полемика в Москве. Высказывались мнения, что визит нецелесообразен, что России нужно смотреть скорее в сторону Запада, но победил разум, победили донесения из Пекина посла РФ И.А. Рогачева — учителя многих российских китаеведов, лидера отечественного практического китаеведения, и дальше отношения развивались достаточно ровно и стабильно. Приехав в 2013 г. в Пекин, я получил хорошее наследство, заложенное Игорем Алексеевичем и продвинутое его преемником и моим предшественником в качестве посла в КНР С.С. Разовым. Строго говоря, И.А. Рогачёв не был первым послом РФ, ведь до него последним послом

СССР и первым послом РФ был Н.Н. Соловьев, но его каденция была совсем небольшой, полтора года, и в основном это было советское время.

Вспоминая 1990-е годы, хотел бы сказать, что мы начали очень быстро набирать обороты, возобновлять сотрудничество в тех сферах, где его не было с 1950-х: военное и военно-техническое сотрудничество, взаимодействие в области атомной энергетики, космоса. Выдающуюся роль на этом этапе сыграли прежде всего посол И.А. Рогачев и работавший тогда в Пекине глубокий китаевед — учёный и практик С.Н. Гончаров. Так что дальше главное для нас — продвигать хорошее наследство, и на протяжении 10 лет своей работы в Китае я старался как минимум сохранить его.

Очень благодарен своим китайским коллегам — уважаемому господину послу Чжан Ханьхуэю, с которым мы знакомы уже много лет, его предшественнику послу Ли Хуэю, с которым я познакомился в 1988 г. в Москве, и другим китайским дипломатам.

Сегодняшние российско-китайские отношения — это не данное нам свыше, это результат целенаправленных усилий российских и китайских дипломатов, практиков, учёных в самых различных областях сотрудничества. Пожалуй, нет области, в которой у нас не было бы тех или иных контактов, не было бы сотрудничества. И наша общая задача — содействовать их дальнейшему развитию.

Нынешняя весьма серьезная обстановка и события сегодняшнего дня, которые, видимо, откроют новую главу в современной истории, безусловно, влияют на наши отношения. Но важно обратить внимание, что еще 8 лет назад, в 2014 г., анализируя события того времени, китайские коллеги предложили формулу 偶然中有必然, которую можно перевести так: «в любой случайности есть элемент предопределённости». Тогда же было сказано, что события, происходящие между Россией и Украиной, имеют исторические корни и политическую подоплеку, и Китаю они хорошо понятны. Мне кажется, что это понимание — чрезвычайно важный момент в наших отношениях с Китаем.

Впервые я попал в Китай вскоре после X съезда КПК. Выступая с рабочим докладом на этом съезде, премьер Чжоу Эньлай, который любил и хорошо знал классическую китайскую литературу, характеризуя международную обстановку, привел слова: 山雨欲来风满楼 «Собирается ливень в горах, и весь терем продувается ветром». Прошло полвека, и описывая сегодняшнюю картину мира, вполне уместно употребить те же самые классические китайские стихи.